

Мирсаид

Султан-Галиев:

«ПРИЗНАНИЯ»

Журнал приступает к публикации отрывков из «признаний» погибшего 70 лет назад от рук сталинских палачей Мирсаида Султан-Галиева, сделанных им и им же письменно оформленных после ареста в 1937 г. Признания собраны в три больших тома, каждый из которых состоит из более чем 200 листов.

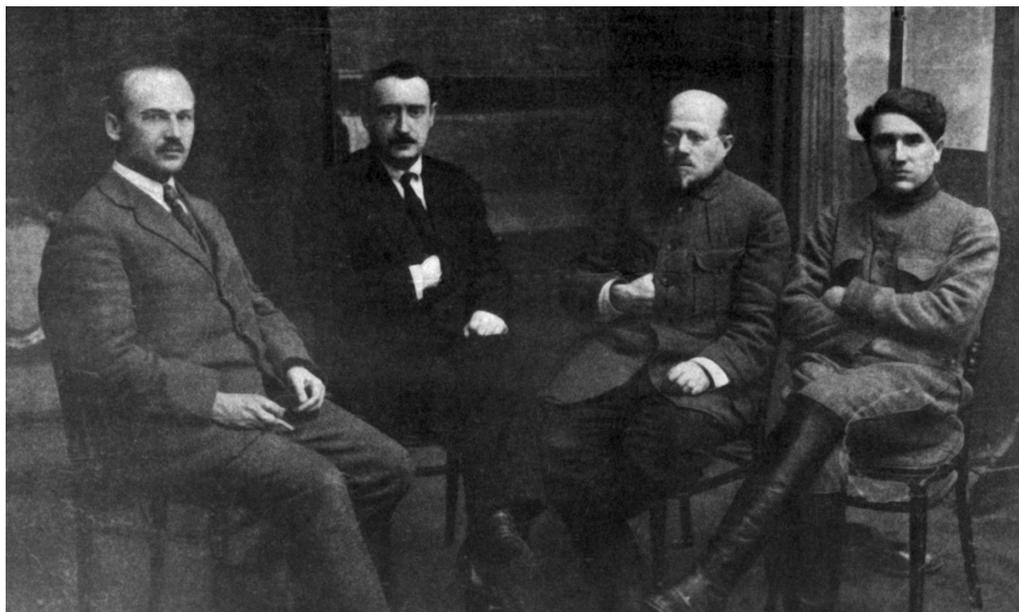
Методика написания этих «признаний» нам не вполне понятна. Видимо, следователи ставили перед ним ряд конкретных вопросов с указанием желаемых ответов. Все это сопровождалось мучительными физическими и морально-психологическими пытками, продолжавшимися более трех лет. Вероятно, что к некоторым вопросам его заставляли возвращаться по нескольку раз. Это продолжалось до тех пор, пока не выбили «достоверное» признание. Однако, как бы там ни было, в «признаниях» просматривается выдающаяся личность М. Султан-Галиева с широким политическим кругозором, глубокими знаниями и неординарным мышлением.

Имя этого выдающегося человека двадцатого столетия долгое время оставалось в тени. Между тем он еще при жизни В. И. Ленина подверг критике основные постулаты марксизма. В то время, когда ни один из ленинских соратников не осмеливался усомниться в

них, М. Султан-Галиев подверг решительной ревизии ленинское учение об империализме и идею диктатуры пролетариата, являющуюся стержневым положением теории Маркса. Современное развитие истории наглядно показало, что прав был Султан-Галиев, а не Маркс и Ленин.

Находясь в близком окружении советских руководителей, убеждаясь в их неискренности в национальном вопросе, в невозможности мировой революции, М. Султан-Галиев постепенно приходит к пониманию неправомерности теории Маркса о диктатуре пролетариата. У него вырабатывается совершенно иной взгляд на перспективы мирового развития. Для М. Султан-Галиева В. И. Ленин был авторитетом самого высокого порядка. Однако в отличие от многих почитателей вождя, Султан-Галиев был одним из немногих людей, кто критиковал его по фундаментальным вопросам. Султан-Галиев был не согласен и с ленинским тезисом о непосредственном переходе к социализму, минуя капиталистическую стадию развития колониальных и полуколониальных стран. «Я считал ошибочным, — писал он, — ленинский тезис о непосредственном переходе к социализму отсталых в промышленном отношении стран при помощи СССР и стоял за буржуазно-демократическую

М. Х. Султан-Галиев (первый справа) с членами Наркомата по делам национальностей РСФСР. 1923 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8237, оп. 1, д. 39.

революцию в этих странах, в частности в Китае и Индии»¹.

Султан-Галиев смог гениально предвосхитить зарождение Третьего мира, движущегося не по социалистическому пути, а по пути национально-освободительных революций. Он отошел от той характеристики современного ему капитализма, которую дал В. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» и вывел свою собственную теорию империализма. В показаниях, данных М. Султан-Галиевым на следствии в 1928 г., он сказал, что эта работа Ленина испещрена им, и в результате ее изучения он пришел к выводу, что у Ленина в этом вопросе нет ясности, империализм свойственен не каким-то определенным, а всем стадиям капитализма. Из его постановки вопроса «вытекала возможность в теории и практике существования социалистического или коммунистического империализма»². Коммунизм представлялся ему прогрессивным лишь «на первое время», как «форма европейского национализма», направленная на консолидацию и объединение материальных и культурных сил народов метрополий под эгидой пролетариата. Он полагал,

что национально-освободительное движение в странах Востока имеет характер социалистической революции.

Так впервые был сформулирован тезис, получивший в XX в. чрезвычайное звучание. Он был развит Мао Цзедунем, Хо Ши Мином и другими марксистами в Азии, Африке, Латинской Африке. Таким образом, Султан-Галиев был в числе первых теоретиков, поставивших под сомнение многие постулаты марксизма-ленинизма. Он одним из первых смог показать то неизбежное ускоренное развитие Китая, Японии, Индии, Турции и других стран, которое и произошло и происходит в наши дни. Вовсе не случайно ему посвящены книги ряда авторов Запада и Востока, в том числе и труд А. Беннигсена «Султан-Галиев — идеолог третьего мира»³.

В конце 20-х — начале 30-х гг. многие увлекались социализмом. Однако для Мирсаида Султан-Галиева это было не увлечение. В социалистическом учении он искал ключ к раскрепощению угнетенного мира. Таким миром тогда в его понимании был колониальный Восток и, прежде всего, мусульманские страны и народы. Марксизм, в освободительные мотивы которого он тогда ве-

рил, развитие революционного движения в России и связанное с этим возвышение большевиков создали у него надежду на то, что новая Россия принесет свободу угнетенным народам. Именно эта надежда привела его к большевикам.

В России всегда как огня боялись так называемого панисламизма. В 1910 г. департамент полиции составил список 28 наиболее видных панисламистов. Был ли подобный список у соответствующих органов Советской власти, неизвестно. Но в том, что к таковым причисляли М. Вахитова и М. Султан-Галиева сомневаться не приходится.

М. Вахитов, не усматривая в этом ничего контрреволюционного, называл себя «красным панисламистом». После его гибели главным «красным панисламистом» оставался его ближайший соратник М. Султан-Галиев.

Панисламизм М. Вахитова и М. Султан-Галиева не имеет никакого отношения к религии. Не случайно, что в этом определении присутствует определение «красный». Татарские революционеры резко отделяли себя от религиозного движения. Они четко обозначали свою принадлежность к лагерю борцов за социализм и Советскую власть. В то же время, в отличие от марксистов, они не ставили перед собой задачу освобождения всего человечества от ига капитала. Термин панисламизм эти революционеры использовали для обозначения своей приверженности к идее освобождения мусульманских народов от ига империализма и колониализма. М. Султан-Галиев и его сторонники своей целью обозначили освобождение мусульманских народов России от колониального рабства, на первых порах связывая достижение этой цели с марксизмом и социалистической революцией. Материалы, опубликованные в «Избранных трудах» М. Султан-Галиева, относящиеся к участию в ликвидации буржуазных национальных организаций в 1918 г., свидетельствуют скорее о его приверженности идеям классовой борьбы, нежели к панисламизму или пантюркизму.

М. Вахитов ушел из жизни, не увидев последствий революции, не пережив серьезных разочарований в националь-

ной политике большевиков. М. Султан-Галиеву пришлось пережить их в полном объеме. Начав свой путь с полного доверия к руководителям Советского государства, он день за днем видел их неискренность и демонстративность их лозунга национального самоопределения народов. Он все более и более убеждался в том, большевики не доверяют подлинным борцам за национальную свободу. «Я чувствовал себя свободным лишь во время Октября и в первые годы революции, — писал М. Султан-Галиев. — Но с того дня, когда мне сказали: ты раб, мы тебе не доверяем, — а это было на третьем году революции Октября, — я опять почувствовал себя рабом»³.

Многих в окружении советских руководителей шокировали оригинальное мышление Султан-Галиева, не соответствующее стратегии большевистского руководства идеи. Его обвиняли в связях с лидерами национальных движений, в том числе и зарубежного Востока, особенно Турции. И действительно, он был связан с такими деятелями исламского мира как Баракатулла, Абдурашит Ибрагимов и особенно с таким близким по духу революционером, как Мустафа Субхи, которому вместе с М. Вахитовым они помогали в создании коммунистической партии Турции.

В статье «Русская революция и Восток (беседа с профессором Мустафой Субхи-беем)» четко обозначено единство взглядов М. Субхи и М. Султан-Галиева на мировую революцию. Они были солидарны в вопросе о необходимости революционизирования мусульманских стран Востока путем создания в крупных революционных центрах России турецких революционно-социалистических элементов⁴. Это, конечно же, не сговор на основе панисламизма или пантюркизма, в чем заставили признаться М. Султан-Галиева. Это, скорее, проявление панреволюционизма, стремления добиться освобождения угнетенных народов, опираясь на революционную Россию.

Большевики использовали весь потенциал татарских революционеров для достижения победы в революции и гражданской войне. Ярким показателем этого

М. Х. Султан-Галиев с женой Ф. А. Ерзиной.
1919 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8237, оп. 1, д. 32.

является создание татарских воинских соединений Красной Армии. Сначала М. Вахитов, а затем М. Султан-Галиев возглавляли Центральную мусульманскую военную коллегия. М. Султан-Галиев был членом Реввоенсовета 2-ой армии. Неценима его заслуга в привлечении на сторону Советской власти Заки Валидова и обеспечение перехода башкирских войск от Колчака к Красной Армии.

В автобиографическом очерке «Кто я?», отвечая на вопрос почему он оказался в оппозиции к официальному курсу партии, Султан-Галиев отвечал, что считает позицию ЦК в национальном вопросе неверной, неправильной и постановку работы в национальных республиках и областях, а именно «сохранение за ними в общем колониального положения по отношению к центральной республике»⁵.

Приоритетом для Султан-Галиева во все периоды жизни была судьба родного

народа, возрождение его государственности. Он оставался коммунистом и социалистом до тех пор, пока идеалы социализма соответствовали справедливому решению национального вопроса. И внутренне переставал быть таковым по мере отхода руководителей Советского государства от принципов национальной справедливости, по мере того, как на жесткой централизации и диктате выстраивалось Советское государство, а интересы народов российского Востока становились игрушкой в руках его руководителей.

М. Султан-Галиев до тех пор отдавался целиком и полностью работе в советских органах, пока верил, что Советская власть действительно работает во благо угнетенных народов и всерьез озабочена проблемами воссоздания государственности народов России. Однако постепенно убеждался, что главное для большевиков — удержание власти во имя реализации диктатуры своей партии, в том числе и на национальных окраинах, что они не хотят их независимости, а играют в нее.

Султан-Галиев и его соратники полагали, что в результате революции возникнет подлинно федеративное государство, где народы Востока реализуют свои суверенные права и будут иметь свою государственность. Однако реалии национальной политики были иными. Султан-Галиев не мог согласиться с принципом создания СССР, в котором ни одна тюркская республика не имела прав учредителя. Он же добивался того, чтобы все республики были равноправными во всех отношениях. В своих выступлениях, а также во всех встречах и частных беседах он отстаивал этот принцип. Борьба Султан-Галиева, хотя и имела элементы конспирации и применение шифров при переписке с соратниками, проходила в легальной форме и вполне допустимых рамках. Однако она, в силу разногласий между представителями республик и трусости некоторых из них, не дала ожидаемых результатов. Все это, в свою очередь, усиливало недоверие по отношению к нему. В результате оргбюро ЦК РКП (б) вынесло решение освободить М. Султан-Галиева от должно-

сти заместителя народного комиссара по делам национальностей⁶. В мае 1923 г. он был арестован, исключен из партии и освобожден от всех должностей, которые занимал в руководстве страны. В его биографии несколько арестов, последний — в 1937 г.

Национальная политика Советского государства, мало чем отличающаяся от колонизаторской политики царского режима, вызывала у Султан-Галиева горечь и разочарование. И он все больше и больше убеждался в том, что коммунистический режим не в состоянии осчастливить человечество, что у него и созданного им государства нет будущего, и что нарастающая великодержавная волна и связанная с ней политика губернизации национальных республик приведут к распаду страны. Он писал: «Какой бы класс в России не стоял или не пришел к власти, никому из них не восстановить былого “величия” и могущества страны... Россия, как многонациональное государство и государство русских, неизбежно идет к распадению и к расчленению. Одно из двух: или она (Россия) расчленится на свои составные национальные части и образует несколько новых и самостоятельных государственных организмов, или же власть русских в России будет заменена коллективной властью “националов”... Это есть историческая неизбежность как производное от сочетания. Вернее, произойдет первое, а если случится второе, то оно все равно явится лишь переходом к первому. Былая Россия, восстановившаяся под нынешней формой СССР, недолговечна. Она преходяще и временна»⁷.

Рекомендуемые к изданию материалы — это показания М. Султан-Галиева, данные им следственным органам. Поэтому их объективность и достоверность может быть установлена лишь в ходе сравнения и сопоставления с показаниями, данными им в 1923 и 1928 гг., а также с ранее опубликованными материалами и документами, относящимися ко времени его нахождения на свободе.

Следствию важно было «признание» в том, что Султан-Галиев и его соратники — агенты иностранных разведок. Этого признания следствие доби-

валось всеми возможными и невозможными средствами. Поэтому нет необходимости в их опровержении. Вот одно из этих «признаний»: «В сентябре или октябре 1919 года состоялся мой первый и твердый сговор с агентами германской, турецкой, афганской и японских разведок по вопросу об организации политической борьбы с Советской властью на базе пантюркизма и панисламизма и в целях восстановления капитализма в тюркских районах СССР. С этого момента я стал фактическим агентом иностранных разведок в СССР по осуществлению составленного ими плана организации в тюркских республиках и областях СССР националистического движения на базе пантюркизма и панисламизма, в целях свержения Советской власти в этих районах. И вся моя работа в последующем была методической работой по осуществлению этого именно плана»⁸. Между тем, уже в июне 1923 г. ГПУ сделало заключение о недостоверности агентурных данных о его связях с турецким, персидским и афганскими посольствами в Москве, а также поддержке им басмачества⁹. Об этом же свидетельствуют и его публикации, многочисленные выступления, относящиеся к периоду Гражданской войны.

Показания 1938 г. начинаются выражением отношения М. Султан-Галиева к руководителю башкирского движения З. Валидову. Оба жили надеждами на российскую революцию, которая, по их мнению, должна была дать свободу народам. Первыми рассеялись эти надежды у Валидова, когда соглашение о признании суверенных прав Башкирии было аннулировано в одностороннем порядке. В силу чего Башкирия лишилась своего войска и автономных прав. Ленин, по словам Валидова, назвал соглашение «никого и ни к чему обязывающим документом». В связи с чем Валидов порвал с большевиками и покинул Россию.

Султан-Галиев же, хотя и у него начинают исчезать иллюзии по отношению к большевистскому руководству, все еще допускает возможность создания в России полнокровной федерации с реальными суверенными правами республик и народов. При этом он допуска-

ет возможность давления на Советскую власть со стороны нерусских народов и, прежде всего, башкир и народов Туркестана. С этой целью он пытается создать блок из руководителей восточных республик, ищет определенные контакты с Валидовым.

Процесс видоизменения национальной политики Советского государства был последовательным и постепенным и отход Султан-Галиева от учения Маркса и Ленина. И по мере того, как росло недоверие к нему со стороны руководителей Советского государства не смогла не остаться незамеченной султан-галиевская оценка действий большевистских руководителей по «подталкиванию» революции на Запад. «Этот процесс развития революции, — писал Султан-Галиев в статье “Социальная революция и Восток”, — в тактическом отношении был направлен по неправильно пути. Казавшийся правильным внешне в отдельных своих проявлениях (спартаковское движение в Германии, венгерская революция и т. д.) в общей своей совокупности он (процесс развития революции. — *И. Т.*) носил односторонний характер». Эту односторонность он видел в том, что «почти все внимание руководителей революции было обращено на Запад», и что они «осуществление задачи развертывания Октябрьской революции в международно-социалистическую» видели «в механической передаче энергии российской революции непосредственно на Запад»¹⁰.

Материалы «показаний» открывают завесу над некоторыми весьма важными страницами истории создания СССР. В них еще раз подтверждается, что работники национальных республик, объединившись вокруг Султан-Галиева, добивались того, чтобы Союз состоял из нескольких федераций, в том числе и федерации тюркских республик. В то же время они высказывались за равноправие в союзном государстве всех республик. Отсюда лозунг: «Татарстану и Башкортстану — права союзных республик».

Имеет большое значение и вывод, к которому пришли татарские «правые» после X съезда Советов, о непригодности для националов программы большевиков по национальному вопросу, а также необходимости выработки собственной программы, которая была обоснована Юнусом Валидовым. Составление программы было поручено Султан-Галиеву. До сих пор оставалось неизвестной его встреча с башкирскими делегатами съезда, перед которыми он «развил агитацию за широкое распространение среди башкирских масс идеи независимости Башкирии, подготавливая их умы к необходимости вооруженной борьбы с Советской властью в этих целях»¹¹.

Публикуя «признания» М. Султан-Галиева, мы не предлагаем их полной расшифровки, но надеемся на осмысленное «чтение между строк» признаний человека, стоявшего между жизнью и смертью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 1, д. 45, л. 2.
2. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды / Сост. Гиззатуллин И. Г., Шарафутдинов Д. Р. — Казань, 1998. — С. 545.
3. Bennigsen A., Lemerrier-Quelguy Ch. Sultan Galiev, le pere de la revolution tiers-mondiste. — Paris, 1986. — 307 p.
3. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды... — С. 447.
4. Там же. — С. 131.
5. Там же. — С. 447.
6. Неизвестный Султан-Галиев: рассекреченные документы и материалы / Сост. Султанбеков Б. Ф., Шарафутдинов Д. Р. — Казань, 2002. — С. 31-32.
7. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды... — С. 538.
8. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 54, л. 13.
9. Неизвестный Султан-Галиев... — С. 76.
10. Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы / Сост. Гиззатуллин И. Г., Шарафутдинов Д. Р. — Казань, 1992. — С. 91-92.
11. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 54, л. 96.

Из заявления М. Х. Султан-Галиева Народному комиссару внутренних дел Татарской АССР

1938 г.

В дополнение и развитие поданного мною сегодня на Ваше имя заявления о чисто-сердечном и полном моем разоружении, считаю своим долгом сообщить Вам следующее:

1. Прежде всего о моей позиции борьбы на следствии за все эти годы и в последний период следствия надо мной*.

Должен откровенно заявить, что как во время следствия надо мной в 1923 году, когда я обвинялся в попытке установления связи с лидером башкирских националистов в лагере басмачей Заки Валидовым, так и во время следствия надо мной в 1928-1931 году, когда я обвинялся в организации в тюркских республиках СССР контрреволюционно-националистического пантюркистско-пантуркистского движения под лозунгом создания так называемой Туранской буржуазно-демократической республики, а также в последний период следствия надо мной после моего ареста в г. Саратове в марте месяце 1937 года, я вел борьбу со следствием, стремясь исказить освещение отдельных фактов или вовсе скрыть их от следствия. Объяснялось это тем, что, будучи поставлен перед необходимостью разоружения ввиду предъявляемых мне органами следствия улик, я, тем не менее, продолжал сопротивляться, рассчитывая на продолжение контрреволюционной борьбы с Советской властью и компартией в дальнейшем, как только представится возможность для таковой.

Так, во время следствия в 1923 году я скрыл от следственных органов действительные причины и мотивы, побудившие меня к попытке установления связи с Заки Валидовым, и заявил о них лишь во время следствия в конце 1929 года. Тогда же я скрыл от следствия мои политические связи и организационную работу с буржуазными националистами из лагеря пантюркистов и панисламистов, а также мои связи с турками и осветил эти вопросы, и то не в полном виде, лишь в 1929 году и частично в 1933 году в Соловецких лагерях. Во время следствия в 1928-31 годах я стремился выгородить некоторых из моих сообщников, желая сохранить их как кадры для возобновления контрреволюционно-националистической работы против Советской власти и компартии в будущем.

Во время следствия в последний период я скрыл мою работу в лагерях (в Соловках) до подачи мною заявления на имя ЦК партии в 1933 году.

2. О причинах и мотивах моего окончательного разоружения в данный момент. Причиной и действительными мотивами моего окончательного и бесповоротного разоружения в данный момент являются, прежде всего, глубоко продуманное мною сознание бесплодности и бесполезности дальнейшей борьбы с Советской властью и компартией и вытекающее отсюда решение мое искупить свою вину перед Советской властью и компартией, а также перед народами СССР, и в том числе перед народами тюркских республик, правдивым изложением перед следственными органами всей суммы фактов контрреволюционной моей работы в прошлом. Я руководствуюсь в данном случае одной лишь мыслью: чтобы мое разоружение оказалось полезным для Советской власти и компартии, чтобы оно помогло вывести из политического заблуждения тех работников из националов, которые оказались зараженными контрреволюционным национализмом в результате моей контрреволюционно-националистической пропаганды и агитации. Я считаю, что в данный исторический момент, когда отряды взбесившегося фашизма и воинствующего империализма готовят удар по стране социализма, давшего подлинную свободу угнетавшимся до революции народам СССР, моим долгом является помочь СССР отразить этот удар. Иного желанья у меня нет. Я должен искупить свою тяжелую вину перед Советской властью и компартией хотя бы суровой карой за мои преступления. О большем я не смею думать.

3. Борьба с Советской властью. Борьба с Советской властью в национальных республиках СССР, проходящая под лозунгами пантюркизма и пантуркизма, а также панисламизма, в частности контрреволюционно-националистическая работа «султангалиевщины» тесно связаны с работой иностранных разведок, как организаторов этого движения. Исторические корни иностранных разведок в деле организации националистическо-

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (подстрочные примечания к документу составлены редакцией).

го движения среди тюркских народов СССР простираются за период еще до Октябрьской революции. Организатором этого движения за последние десятилетия до революции являлась султанская Турция. История дипломатических отношений между старой султанской Турцией и царской Россией показывает, как еще султан Абдул-Гамид использовал, когда ему нужно было, панисламистское движение среди мусульманских народов России для политических интриг против царизма. Политическим орудием буржуазной Турции после свержения Абдул-Гамида в 1908 году становится пантюркизм. Джадидистское (новаторское) движение среди тюркских и кавказских народностей старой России используется младотурками как база пропаганды идей пантюркизма. В Константинополе создается идеологический орган пантюркизма «Тюрк юрды» («Тюркский дом») и «Тюркское здание»), руководимый тюркскими и татарскими эмигрантами из России, в частности — кавказцем Ахмед бей Агаевым и татарским литератором-публицистом из Поволжья Юсуф беем Акчура-Оглы. Этот орган печати широко распространялся среди молодой буржуазной интеллигенции тюркских и кавказских народов России. Органами панисламистов в России являлись газеты: «Тарджиман» (Переводчик), издававшаяся в Бахчисарае крымским татарским буржуазным публицистом Измаил беем Гаспринским, газета «Садан-хак» (Голос правды), издававшаяся с 80-х годов прошлого столетия азербайджанцем (в г. Баку) Везировым и газета «Ульфат», издававшаяся после революции 1905 г. в Ленинграде известным панисламистом Рашид-казы Ибрагимовым. Панисламистской газетой являлась и газета «Юлдуз» (Звезда), издававшаяся в г. Казани после революции 1905 года Гади Максудовым, а также «Баянельхак», издававшаяся в г. Казани же татарским торговцем Сайдашевым. Панисламистско-пантюркистским органом поволжских татар являлись газеты «Вак[ыт]» (Время), руководимая буржуазным публицистом Фатых[ом] Каримовым (издавалась в г. Оренбурге) и газета «Тормыш», издававшаяся с 1913 г. в г. Уфе и руководимая вначале Вагиз Надрузовым (оказался провокатором царской охранки), а позже панисламистом Закир Алькадыри. Газеты «Кояш» («Солнце», издавалась в г. Казани и редактировалась буржуазным татарским писателем Фатыхом Амирхан[ом]), «Иль» (Родина) и «Сюз» (Слово), издававшиеся в г. Москве татарским буржуазным писателем Гаязом Исхаковым, являлись органами пантюркизма. Сюда же следует причислить журнал Галимджана Ибрагимова «Анг» (Сознание), издававшийся в г. Казани и бакинские газеты «Икбаль» редактируемую пантюркистом Сонгатуллой Ибрагимовым и «Ачик Сюз» (Ясное слово), орган известного кавказского пантюркиста Мамед-Эмина Расуль Заде, лидера контрреволюционной партии мусавистов.

Вся художественная литература тюркских народов России до Октябрьской революции по существу являлась орудием пропаганды пантюркизма, поскольку творцами ее являлись пантюркисты.

Делу пропаганды пантюркизма служила и татарская национальная школа, в первую очередь реформированная высшая. Медресе «Галия» Галимджана Баруди в г. Казани, медресе «Галия» Зия Кемали в г. Уфе, медресе «Буби» в Елабужском уезде Иж-Бубинских являлись рассадниками пантюркизма не только среди татар, но среди остальных тюркских народов царской России. Их организаторы и руководители являлись прямыми агентами младотурок и имели широкие связи с идеологами пантюркизма и панисламизма как Турции, так и др[угих] мусульманских стран — Египта, Афганистана и мусульманской Индии. Среди преподавательского персонала этих медресе имелись прочные законспирированные агенты Турецкой охранки. Так, например, в медресе «Буби» Иж-Бубинских вплоть до Октябрьской революции состоял преподавателем некто Файзи, агент младотурок, руководивший движением среди учительства и учащейся молодежи.

Примечание: Этот самый Файзи в 1921 году каким-то образом особым отделом находившейся тогда в Крыму одной из красных армий был направлен в кемалистскую Турцию как «коммунист» для «подпольной работы» в Турции. О том, что Файзи до Октябрьской революции и в годы империалистической войны работал в медресе Иж-Бубинских, как агент младотурок — мне стало известно в 1925 году через Юнуса Валидова, обработанного в свое время этим самым Файзи в пантюркистском духе.

Во время империалистической войны 1914-1918 гг. в орбиту панисламистского и пантюркистского движения вовлекается и империалистическая Германия. Свою работу по организации пантюркистского и панисламистского движения в отдельных мусульманских странах, и в частности среди тюркских и кавказских народов царской России, гер-

манская разведка вела в контакте с разведкой младотурок. Так, в Афганистане работает против англичан особая тайная германская миссия в составе афганца панисламиста [М.] Баракатуллы, индусского панисламиста Абдуррана и связанного с младотурками татарского панисламиста Рашид-казы Ибрагимова. Этой миссии удается создать в Афганистане младоафганскую партию во главе с сыном тогдашнего афганского эмира Амануллой ханом и произвести государственный переворот путем убийства и устранения от власти англофильствующего эмира Хабибуллы-Хана. Рашид-казы Ибрагимов приезжает в Германию, организует там до 20-ти тысяч татарских пленных солдат из России и направляет их в Турцию для использования их как пушечного мяса в войне против англичан и царской России.

Шныряли агенты германского империализма во время империалистической войны и в тюркских районах царской России. Летом 1915 года один из членов созданной мною организации татарских социалистов в Уфимской губернии народный учитель Гарей Кадрачев носился с идеей организации повстанческого движения против царизма среди башкир Уфимской губернии и Белебеевского уезда. Он сумел сагитировать на это дело башкирских старшин в 9-10 волостях. Он намеревался привести в осуществление свой план, но я остановил его от этого шага, т[ак] к[ак] в последний момент установил, что Г. Кадрачев оказался связанным в этом деле с каким-то немцем, очевидно, агентом германской разведки. Я отговорил Г. Кадрачева от этого шага, доказывая ему, что восстание это не даст ожидаемых от него результатов, а приведет лишь к резне и поголовному истреблению восставших башкир царскими войсками. Очевидно, приняли участие агенты германской и турецкой охраны и в повстанческом движении 1916 года в Ср[едней] Азии. Документов у меня по этому вопросу, к сожалению, не имеется.

Вовлекается в русло панисламистского и пантюркистского движения и империалистическая Япония. Во время войны 1904 года царской России с Японией среди татар и башкир распространялась широкая агитация о «дружбе» и дружелюбном отношении японцев к мусульманам России. В татарских и башкирских солдатских письмах японцы изображались как люди, «пули которых пронизывают лишь русских, но пролетают мимо мусульман».

После русско-японской войны в Японию приезжает татарский панисламист Рашид-казы Ибрагимов и ведет там миссионерскую работу по насаждению ислама. Он добивается приема у микадо* и ставит перед ним вопрос о необходимости распространения в Японии ислама, убеждая его в том, что переход японцев в ислам и «покровительство» микадо последнему возвысит японцев в глазах мусульман Китая, Индии и России, а также в мусульманских странах Востока, и поднимет их престиж и авторитет, как «спасителей ислама».

Микадо разрешает Рашид-казы Ибрагимову постройку мечети в самом центре Токио и становится таким образом «поборником ислама», а Рашид-казы Ибрагимов становится тайным агентом японской разведки.

После Октябрьской революции в России панисламизм и пантюркизм становятся в руках иностранных разведок орудиями борьбы против пролетарской революции и Советской власти. После Февральской и Октябрьской революций начинается «паломничество» панисламистских и пантюркистских агентов иностранных разведок. Летом 1917 года из Турции приезжает в Россию агент младотурок и идеолог пантюркизма Юсуф бей Акчура-Оглы и скрыто руководит пантюркистским движением среди «северных тюрков» — татар. Идея татарской буржуазии об «Идель-Уральском штате», т[о] е[сть] о создании буржуазного «самостоятельного» государства в составе территорий современной Татарии, Башкирии, Чувашии и Марийской республики, принимается инициаторами этого движения с «благословения» этого пантюркиста. Не подлежит сомнению, что Юсуф бей Акчура-Оглы работал тогда не только как агент младотурок, но и как агент дружественных им немцев. Помимо Ю[суф] б[ей] Акчура-Оглы в дни подъема в Казани в 1918 г. татарского воинствующего национализма здесь находились турецкие офицеры (Хусни и др.), которые с трибуны мусульманского военного съезда выступали с открытыми призывами пантюркизму.

Со второй половины 1919 года начинается посещение СССР агентами разведок Тур-

* Императора.

ции, Афганистана, Германии и Японии. В июле-августе 1919 г. в Советский Союз приезжает указанная уже выше германская миссия в Афганистане в составе панисламистов [М.] Баракатуллы, Рашид-казы Ибрагимов и Абдуррана. Позднее, в 1920 г. приезжают из Турции в качестве представителей кемалистской Турции Юсуф бей, доктор Фуад, Халиль-Паша и официальный представитель Кемаля — Бекир Сами. Одновременно с ними «возвращается» в СССР учившийся в Льежском университете в Бельгии татарский студент Гаяз Максutow, выдававший себя за спартаковца. Г. Максutow принимается затем в партию и примыкает вначале же к группе татарских правых коммунистов.

Почти одновременно с кемалистами приезжает в СССР из Берлина целая группа бывших турецких государственных деятелей во главе с Энвер беем, куда входят, помимо Энвера, бывший военный министр Турции Джемаль-Паша, лидер партии «Единение и прогресс» Ежкри-Паша и др.

К этому времени из Турции прибывает небольшая группа «подпольных» турецких коммунистов из бывш[их] турецких офицеров, которые открыто встречаются в номерах с энверистами.

В чем же состоят дела этих людей.

Начну с группы Баракатуллы и Рашид-казы Ибрагимова.

[М.] Баракатулла, Рашид-казы Ибрагимов и Абдурран прибыли в Москву летом 1919 года и по приезду установили тесную связь с панисламистскими и пантюркистскими элементами в СССР, в частности с известным панисламистом Мусой Бигиевым и башкирским националистом пантюркистом Заки Валидовым. По сговору с ними [М.] Баракатулла и Рашид-казы Ибрагимов добились приема у В. И. Ленина и поставили перед ним вопрос о создании в Ташкенте особого комитета из восточных работников в составе тогдашнего предсовнаркома Турк[естанской] республики [Т.] Рыскулова, тогдашнего предревкома Башкирии Заки Валидова, известного меньшевика-панисламиста Ахмед бея Цаликова, меня, Султан-Галиева, и узбекского пантюркиста Мустафы Чокаева, находившегося тогда за границей в белой эмиграции, якобы для руководства национально-освободительным движением народов Востока. По существу же это был план создания в Средней Азии пантуранистско-панисламистского центра, под прикрытием которого должна проводиться широко задуманная и согласованная с германской, турецкой, афганской и японской разведками контрреволюционная работа по отделению тюркских районов СССР от Советского Союза.

Одновременно [М.] Баракатулла и Р. Ибрагимов поставили перед соответствующими центральными органами Советской власти вопрос о создании в Средней Азии особого экспедиционного корпуса из татар, башкир, казахов и народов Средней Азии под видом необходимости прорваться через Афганистан в Северную Индию с целью отделения от Индии мусульманских ее частей и создания независимого северо-индийского мусульманского государства. В действительности же тут проводился вопрос о создании военной базы для организации повстанческого движения в Средней Азии и др[угих] тюркских республиках и областях СССР против Советской власти, с целью отделения их от СССР. В осуществлении этого плана Р. Ибрагимов, пользуясь поддержкой завербованных им в свою компанию зам[естителя] председателя Ц[ентрального] б[юро] ком[мунистических] [организаций] нар[одов] Востока [Й.] Ялымова и заведующего [Ближне-]восточного отдела Нар[одного] ком[мисариата] ин[остранных] дел [Н.] Нариманова, проводил через своих агентов широкую мобилизационную работу среди находившихся тогда в разных частях СССР турецких военнопленных офицеров. Позднее Р. Ибрагимов и [М.] Баракатулла при содействии тех же лиц разъезжали по Поволжью, агитируя среди татар за объявление Татреспублики и ведя среди них скрытую пропаганду идей пантюркизма и панисламизма. Лично я присутствовал на четырех собраниях в обществе [М.] Баракатуллы и Р. Ибрагимова. Первая встреча состоялась в общежитии Нар[одного] ком[мисариата] ин[остранных] дел, на квартире, отведенной для группы [М.] Баракатуллы. Присутствовали на нем [М.] Баракатулла, Р. Ибрагимов, Абдурран, [Н.] Нариманов, [Й.] Ялымов и я — Султан-Галиев. Это был вечер личного знакомства, т[ак] к[ак] до того лично я не был еще знаком с ними. Следующая встреча состоялась на квартире тайного агента турецкой разведки Заки Валеева (о том, что Заки Валеев состоял агентом турецкой разведки мне стало известно из его собственного рассказа в Соловецких лагерях в 1931 году) и носила более интимный характер. Присутствовали на нем [М.] Баракатулла, Р. Ибрагимов, Муса

Бигиев, я — Султан-Галиев, хозяин квартиры З. Валеев и Закия Хасановна Булатова (впоследствии Ерзина), студентка медфака. Присутствовал ли на этом собрании Абдурран, я не помню. [М.] Баракатулла и Р. Ибрагимов поставили передо мной вопрос, как я мыслю об условиях разрешения национального вопроса в СССР, имеется ли здесь реальная возможность для развертывания панисламистской и пантюркистской работы, какие силы этому противодействуют, и что нужно сделать для устранения этих сил. Я не считал нужным скрывать перед ними своего национализма и сочувствия пантюркизму и панисламизму и, откровенно, и в убедительной форме развил перед ними сложившиеся у меня к тому времени взгляды по национальному вопросу, и дал им достаточно подробную информацию о внутрипартийном положении, в частности, о групповой борьбе внутри партии среди националов. Я им указал, что база для пантюркистской и панисламистской работы в СССР имеется, но что возможности более или менее широкого развертывания этой работы сильно ограничены, т[ак] к[ак] условия для этого чрезвычайно тяжелы, что основным препятствием в этом отношении является сама коммунистическая партия и ее политика интернационализма в нац[иональном] вопросе, враждебная всякому национализму, в том числе пантюркизму и панисламизму, и что разрушить эту силу можно только лишь изнутри путем развертывания широкой агентуры пантюркизма и панисламизма в партийных организациях нацреспублик и областей, а с другой стороны — путем поддержки всяких и различных оппозиционных течений и групп в компартии вообще в целях разрушения ее сплоченности и единства. Остановившись на вопросах внутрипартийной борьбы, я указал, что основной силой, которая ведет по существу разрушительную работу внутри партии, в данный момент являются «левые» коммунисты во главе с [Н.] Бухариным и [Л.] Троцким, и что «левая» политика по национальному вопросу [Н.] Бухарина, отрицающая по существу идею национального самоопределения, лишь облегчает нам нашу работу среди националов, т[ак] к[ак] борьбу русских и национальных «левых» коммунистов на местах, с осуществлением лозунгов национального самоопределения, мы объясняем национальному населению как политику партии вообще.

Информируя [М.] Баракатулла, Р. Ибрагимов о моих собственных планах развертывания панисламистской и пантюркистской работы среди тюркских народов Советского Союза, я указал, что лично я веду политику постепенного развертывания этой работы, что в данный момент я ограничиваю свою работу задачей выделения всех тюркских районов СССР в автономные советские национальные республики, и ведения подрывной работы в коммунистических организациях этих районов, путем создания в них особой законспирированной группы националистически настроенных «коммунистов» и установления тесного политического блока между последними и буржуазно-националистической интеллигенцией.

Говоря о дальнейших своих задачах, я указал, что следующим этапом работы в нац[иональных] республиках должно быть превращение националистических групп туземных «коммунистов» в самостоятельную националистическую партию, перед которой должна быть поставлена задача захвата власти в тюркских республиках СССР в момент международных политических осложнений в СССР и превращения их в независимое объединенное тюркское государство с восстановлением в нем капиталистических отношений.

[М.] Баракатулла и Р. Ибрагимов остались крайне довольны моей информацией и дали мне «дружеский» совет быть стойким и твердым в борьбе с Советской властью, но чрезвычайно осторожным, т[ак] к[ак] нахожусь «в своем огне» и «в пасти у льва».

Таким образом, в сентябре или октябре 1919 года состоялся мой первый и твердый сговор с агентами германской, турецкой, афганской и японской разведок по вопросу об организации политической борьбы с Советской властью на базе пантюркизма и панисламизма и в целях восстановления капитализма в тюркских районах СССР*.

С этого момента я стал фактическим агентом иностранных разведок в СССР по осуществлению составленного ими плана организации в тюркских республиках и областях СССР националистического движения на базе пантюркизма и панисламизма, в целях свержения Советской власти в этих районах. И вся моя работа в последующем была методической работой по осуществлению этого именно плана.

* Обращают на себя внимание упоминания о ведении борьбы по развалу СССР в 1919-1922 гг., в то время как Советский Союз был образован 30 декабря 1922 г.

Следующая моя встреча, на этот раз только с [М.] Баракатуллой, состоялась на квартире у московского муллы Вадуда... На этот раз на собрании присутствовали кроме [М.] Баракатуллы и меня, Султан-Галиева, тогдашний председатель Ц[ентрального] б[юро] ком[мунистических] [организаций] нар[одов] Востока С. Саид-Галиев, член этого бюро Бурган Мансуров и еще несколько человек, которых, к сожалению, не помню, а также сам мулла Вадуд...

[М.] Баракатулла информировал нас, что он был у Вл[адимира] Ильича Ленина и договорился с ним о назначении заведующим [Ближне-]Восточным отделом Нар[одного] ком[иссариата] ин[останных] дел вместо [Н.] Нариманова кого-нибудь другого, более соответствующего этой должности, и он хотел бы узнать наше мнение о подходящей для этого кандидатуре. Мы назвали ему крымского работника Измаила Фирдевса, который, кроме политической подготовки «владеет и иностранными языками». Назначение это, однако, не состоялось.

Кроме всех этих встреч состоялась еще одна встреча моя с Р. Ибрагимовым на квартире у бывш[его] татарского издателя Бурнашева в октябре или в конце ноября 1919 г. При этой встрече присутствовало третье лицо — зам[еститель] пред[седателя] [Центрального бюро] ком[мунистических] [организаций] нар[одов] Востока [И.] Ялымов. На этот раз Р. Ибрагимов поставил перед нами вопрос о возможности подвоза оружия к границам средней Азии из Японии под видом помощи Советскому Союзу и вооружении проектировавшегося тогда к созданию в Средней Азии особого корпуса красных войск из тюркских и прочих восточных народов, имеющего специальное назначение.

Перехожу к приезду в СССР турецких работников и связанных с ними татарских работников.

Первая группа приехавших в СССР турецких работников состояла, как я уже указал, из четырех лиц — Юсуф бея, Халиль-Паши, доктора Фуада, выдававшего себя за коммуниста, и официального представителя Мустафы Кемаль-Паши — Бекир Сами бея. Вторая группа, состоявшая из Энвера-Паши, Джемаль-Паши и Шюкри бея, прибыла из Германии. Относится это все к лету 1920 года. С приездом турок в Москве начинаются банкеты, официальные — в учреждениях и полуофициальные — в частных домах у московских татар.

Первый официальный банкет состоялся в башкирском представительстве. Присутствовали на нем, кроме турок во главе с Энвером-Пашой, Заки Валидов, представители Баш[кирской] республики А. Адигамов и [А.] Бикбавов, Саид-Галиев С., я, Султан-Галиев, и ряд других работников, которых уже не помню. На банкете произносились речи. Говорили З. Валидов, я и, кажется, Саид-Галиев. Кто выступал от имени турок, уже не помню. Я провозгласил тост за Туранскую республику.

Второй официальный банкет, организованный московскими татарами, состоялся в здании татарского клуба. На банкете участвовало до 300 человек московских татар. Турки были в полном составе. Из произнесенных речей следует отметить выступление Бекир Сами, закончившего свою речь панисламистическим лозунгом «да здравствует иджтихад и ислам». Полуофициальные «банкеты» состоялись в доме татарского торговца Карамышева и торговца Шамгулова. На первом из них, кроме турок, присутствовали из татарских работников я, М. Б[у]рндуков, Ш. Усманов, Гаяз Максутов. Остальных не помню. После банкета началась «частная беседа» отдельных татарских работников с турками. Так, Б[у]рндуков беседовал с Энвером и Джемаль-Пашой о работе Центр[альной] мус[ульманской] воен[ной] коллегии. Ш. Усманов с другими турками о политических делах в Татарии. Более интимный характер носили эти беседы в доме у Шамгулова. Из татар здесь присутствовали я, [А.] Енбаев, Ш. Усманов и [И.] Фирдевс. Фирдевс беседовал с Энвером на французском языке. Он интересовался, почему турки не заняли Крым в 1918 году перед эвакуацией оттуда Советской власти, на что Энвер ответил, что тогда у них своих дел было по горло. Затем И. Фирдевс перевел разговор на тему о положении дел в восточных районах СССР и поставил вопрос перед своим собеседником: почему турки не обратят должного внимания на Среднюю Азию и на басмаческий фронт, что они имели бы здесь возможность более широко применить свои силы, чем где-нибудь в другом месте. Энвер давал уклончивые ответы и говорил, что «всякое движение тогда только сильно, когда оно развивается изнутри и лишено успеха, если оно опирается только лишь на помощь и поддержку извне». Ответ Энвера мы расшифровали так: татар-

ским агентам пантюркизма следует усилить борьбу против Советской власти внутри национальных республик и областей, а о внешних делах будут думать сами турки. В этот период лично я встречался с турками еще несколько раз со следующими лицами. У татарина Мубина Салимова с Энвером, Джемаль-Пашой, Бекир Сами беem и Шюкри-Пашой. У меня на квартире с Джемаль-Пашой, Халиль-Пашой, Бекир Сами беem, Шюкри-Пашой и Юсуф беem. У татарина Заки Валиева с Джемаль-Пашой перед его отправкой в Афганистан. У татарина Хамидуллы... (зять Шафеева) с Энвером, Халиль-Пашой и др. У татарина Мубина Салимова второй раз с Бекир Сами беem после его отъезда из СССР и перед выездом в Турцию. При этом свидании присутствовал также Измаил Фирдевс. Бекир Сами бей сообщил мне, что им только что получено сообщение от Мустафы Кемалья о том, что турецкие войска, наступавшие на дашнакскую Армению, подошли вплотную к Советскому Азербайджану, и что турки интересуются мнением татарских коммунистов, [о том.] следует ли им занять Азербайджан. Я ответил Бекир Сами беem, что, лично по моему мнению, это лишь повредит кемалистской Турции, т. е. сохранение дипломатической дружбы с Советским Союзом в интересах еще не окрепшей молодой Турции, и что, во-вторых, этот акт кемалистов может вызвать отрицательное отношение к ним среди трудящихся нацреспублик и областей и лишь затруднит ведение среди них пантюркистской пропаганды. Я добавил при этом, что операцию эту безболезненно можно будет произвести значительно позже, а именно: когда мы, пантюркисты, добьемся более или менее ощутительных результатов по пропаганде идеи пантюркизма и пантуранизма и по организации пантюркистских сил в тюркских республиках и областях СССР. Бекир Сами бей ответил мне, что он немедленно сообщит мой ответ Кемалю.

Перед уходом Бекир Сами бея я обменялся с ним паролями и кличками. Посетили меня на квартире, каждый в отдельности, перед своим отъездом из Москвы Энвер-Паша и Халиль-Паша. Энвер звал меня вместе с собой на съезд народов Востока в Баку, предлагая провести там организованную подпольную работу среди делегатов съезда, однако, поездка эта моя туда не состоялась. С Халиль беem я договорился о поездке его по пути в Персию, в Среднюю Азию для реорганизации басмаческого движения в широкое повстанческое движение против Советской власти с лозунгами борьбы за национальную независимость Туркестана на основе пантуранизма. [...]

В начале лета или весной 1922 года мне от М. Б[у]рундукова, работавшего тогда одним из личных секретарей [И.] Сталина, стало известно, что в Политбюро ЦК партии поступил по линии Нар[одного] ком[иссариата] ин[остранных] дел проект [М.] Литвинова о политике Советской власти в отношении Турции, где выдвигался будто бы тезис о том, что в целях политической нейтрализации Англии, как главного организатора нападения на Советский Союз извне, следует пойти на жертвы в восточном вопросе, отказаться от помощи туркам в их борьбе против Антанты и согласиться на то, чтобы Турция стала подмандатной территорией Англии. Это было незадолго перед Лозаннской конференцией. Документа этого я не видел, но, сговорившись с М. Б[у]рундуковым, решил предупредить об этом турок. Я добился через Заки Валиева приема у турецкого посла Али Фуада и сообщил ему об уже изложенном, но предупредил его о том, что проект Литвинова, по всей вероятности, встретит сопротивление со стороны Вл. И. Ленина и [И. В.] Сталина, позицию коих в турецком вопросе я знал достаточно хорошо, и что поэтому трудно сказать, примет ли Политбюро ЦК тезисы [М.] Литвинова. Одновременно с этим я указал Али Фуаду, что возникновение такой постановки вопроса среди отдельных руководящих работников в СССР вполне естественно, т[ак] к[ак] непонятна тактика кемалистов, их систематического отступления перед наступающими силами греческих войск, и трудно сказать, выдержат ли турки напор на них со стороны Антанты. И если турки хотят в дальнейшем рассчитывать на поддержку их со стороны СССР в их борьбе за национальную независимость, то должны доказать, что они достойны этой поддержки, а потому не должны медлить с переходом в наступление против наступающих на них сил Антанты. [...]

Вернувшись к осени того же [1921] года в Москву, я познакомился на III-м конгрессе Коминтерна с неким Кара-Сакал, или Сакаллы-Джелял, делегатом на конгресс от турецкой коммунистической партии. Мы быстро поняли друг друга и в совместных беседах с ним выработали основы общей для всех тюркских народов СССР и колониальных народов зарубежного Востока политической программы. Социальные основы этой программы базировались на пантюркизме — для тюркских народов СССР и сопредельных с ними за-

рубежных стран Востока, а на паназиятизме — для колониальных народов Азии, на панарабизме — для арабских народов Азии и Африки. Кара-Сакал, используя свое положение в Коминтерне и в турецкой компартии, должен был вести подрывную работу в компартиях зарубежных стран Востока и тянуть их в сторону национал-реформизма на базе классового сотрудничества и гегемонии буржуазии в национально-освободительном движении колониальных народов Востока.

Кара-Сакал был у меня на квартире, где я познакомил его с [Г.] Гисмати, работавшим тогда в Институте востоковедения*. [Г.] Гисмати, однако, воздержался от откровенного разговора с ним, объяснив это мне впоследствии тем, что из предложенных им Кара-Сакалу вопросов об отдельных турецких рабочих и ответа на них Кара-Сакал[а] он установил, что человек этот почти совершенно не знает турецкой общественной жизни, и он полагает, что Кара-Сакал ни кто иной, как подсланный к нам сексот ОГПУ или же агент греческой разведки в рядах турецкой компартии. Однако я нашел сомнения [Г.] Гисмати не основательными и не прервал связи с Кара-Сакал[ом]. [...]

В начале 1923 года, незадолго до XII партсъезда, меня посетил в Нар[одном] ком[иссариате] [по делам] нац[иональностей] татарский рабочий Осман Дивеев и сообщил мне, что со мной хочет «побеседовать» новый турецкий посол Мухтар бей. Так как я подозревал О. Дивеева в сотрудничестве с органами ОГПУ, то в нарочито резкой форме заявил ему, что если туркам угодно беседовать со мной, то они могут обратиться ко мне через Нар[одный] ком[иссариат] ин[остранных] дел.

По окончании партсъезда я вспомнил об этом разговоре со мной О. Дивеева и, желая проверить, действительно ли Мухтар бей обращался ко мне через О. Дивеева, заявил туркам через их агента Заки Валеева о своем желании встретиться с ними. Встреча состоялась на квартире З. Валеева. От турок присутствовал поверенный в делах Турции Нияз бей, замещавший в это время Мухтар бея. Вместе со мной был еще Исмаил Фирдевс. Присутствовал во время встречи и хозяин квартиры З. Валеев, но не принимал участия в разговоре. Беседа коснулась, прежде всего, вопроса об О. Дивееве. На мой вопрос о том, действительно ли турецкое посольство присылало ко мне О. Дивеева, Нияз бей ответил, что лично он не делал этого, но что, может быть, это было сделано Мухтар беем, и он обещал мне проверить это дело. После этого по просьбе Нияз бея я дал ему подробную информацию о XII партийном съезде, сосредоточив внимание главным образом на национальном вопросе и происходившей на национальной секции партсъезда борьбе различных течений и взглядов по национальному вопросу, в частности, о резком столкновении на секции [И.] Сталина с [Л.] Троцким и [Х.] Раковским. Суммируя свою информацию по этому вопросу, я указывал Нияз бею, что национальный вопрос в СССР после XII партийного съезда входит в новую фазу обострения борьбы националов за национальную независимость. Из моего сообщения Нияз бей сделал вывод, что, по его пониманию, в национальных окраинах СССР происходит процесс национальной дифференциации, аналогичный тому процессу в Турции, который известен в истории под термином «балканизации» и который, в конечном результате, привел к отторжению от Турции входивших в ее состав национальных вилайетов (областей). Дальше разговор перешел на тему о создании в Турции социально-реформистского движения, как гарантии против классовой борьбы и социалистической революции в Турции. По заранее условленному плану, инициативу в этом вопросе взял на себя И. Фирдевс. Ввиду недостаточного знания турецкого литературного языка, И. Фирдевс беседовал с Нияз беем на французском языке.

На этом беседа с Нияз беем закончилась.

Позднее я узнал от З. Валеева, что предложения И. Фирдевса не удовлетворили турок, т[ак] к[ак] они считали, что создаваемая ими в это время «народная партия» гарантирует [убережет] Турцию не только от коммунизма и социализма, но и от социал-реформизма.

Встреча с Нияз беем в предыдущих моих показаниях освещалась, но [я] не помню.

Перехожу к моим встречам с турками после моего исключения из партии. Эти встречи, за исключением трех случаев, происходили с послом Турции Мухтар беем в зданиях турецкого посольства. Посредниками при этих встречах являлись агенты турецкой разведки З. Валеев и Абдурахман Шафеев. Основным стержнем всех этих встреч являлась

* Габдулла Гисмати с 1920 г. являлся комиссаром Коммунистического университета трудящихся Востока (Москва).

выработка программы действий пантюркистов в СССР и в Восточных странах на основе учета опыта борьбы пантюркистов в тюркских районах СССР до провала «султангалиевщины» в 1923 году.

Встречи эти освещены мною в 1929-30 гг. и дополнены в моих заявлениях из Соловецких лагерей от 1933 года. Останавливаться на них более подробно я сейчас поэтому не буду. Остановлюсь лишь на основных и характерных моментах, происходивших во время этих встреч, разговоров, поскольку в свое время я или стушевывал эти моменты или не выпячивал их надлежащим образом перед следственными органами. [...]

Первая моя встреча с Мухтар беем произошла в 1923 г. вскоре после моего освобождения из-под ареста. Встреча состоялась по моей инициативе. Целью этой встречи являлась информация турок с моей стороны о причинах моего провала и о результатах следствия надо мной. Я заявил Мухтар беем о своем намерении продолжать борьбу с Советской властью и дальше. [...]

Вторая моя встреча с Мухтар беем состоялась зимой 1924 года по инициативе последнего. Мухтар бей сообщил мне, что по поступившим к нему сведениям будто бы тогдашний пред[седатель] Совнаркома СССР [А.] Рыков переодетый выехал инкогнито за границу для ведения, видимо, каких-то тайных переговоров с некоторыми из европейских стран, и туркам хотелось бы выяснить, соответствует ли это действительности, и если соответствует, то каковы цели и задачи поездки в Европу [А.] Рыкова. Мухтар бей предлагал мне выяснить этот вопрос. Я ответил ему, что, к сожалению, лишен этой возможности, т[ак] к[ак] не имею связей в центральных органах.

При этой встрече, между прочим, я развил перед Мухтар беем некоторые моменты сложившихся у меня к этому времени взглядов о существовании коммунистического движения в Европе, в том числе в СССР, как особой формы объединения европейских народов, враждебной национально-освободительному движению колоний. Я указывал на неизбежность грандиознейшего военного столкновения в будущем на этой почве между европейскими и колониальными странами, если только колонии не сумеют завоевать себе независимость от метрополий до социалистических революций в европейских странах. Я указывал дальше, что Турция и ряд других мелких соседних с нею восточных стран и государств, как страны, расположенные на грани крупнейших колоний мира — Индии и Китая, с одной стороны, и метрополий, с другой стороны, могут оказаться совершенно стертными с лица земли при столкновении колоний с метрополиями. Отсюда я делал вывод о необходимости форсирования экономического и культурного роста Турции, Персии, Афганистана и арабских стран, усиления их военной мощи и заключения между ними военно-политического союза в целях отражения военных нападений на них со стороны. В качестве другой задачи я ставил необходимость развертывания в самых широких размерах национально-освободительного движения в колониальных странах, прежде всего в Китае и в Индии. Для осуществления этих целей я предлагал туркам создать в Турции или в одной из восточно-мусульманских стран подпольной организации под руководством турецких работников, которая одновременно руководила бы извне «освободительным» движением тюркских и кавказских народов СССР.

Мухтар бей сильно заинтересовался этими моими мыслями и предложил мне изложить их в письменном виде и передать ему для ознакомления с ними турецких государственных деятелей и распространения их среди государственных деятелей и политических работников других восточных стран. Я изъявил свое согласие.

В связи с этим я и начал писать, как черновой набросок, тезисы «Об основах экономического, политического и культурного развития тюркских народов», где ставил вопрос о замене лозунга диктатуры пролетариата лозунгом «диктатуры колоний над метрополиями».

Третья встреча с Мухтар беем состоялась к концу 1924 г. или в начале 1925 года. На этот раз Мухтар бей вместе со мной посетил бывш[ий] Нарком зем[леделия] Татарской Республики Юн[ус] Валидов. [...]

Выслушав нас, Мухтар бей заявил, что он целиком принимает наши предложения и берется за их проведение среди влиятельных кругов Турции. Затем он поинтересовался, кого бы мы сочли нужным привлечь в пантюркистский комитет за границей из тюрко-татарских эмигрантов. Мы назвали фамилию Заки Валидова.

Мухтар бей предложил нам поспешить с письменным изложением нашей платфор-

мы по тюркскому и колониальному вопросам. Мы дали ему обещание сделать это и разошлись. [...]

Последние три встречи мои с турками состоялись: две встречи с редактором одной из турецких газет (кажется, газеты «Вак[ы]т»), фамилии которого уже не помню, приехавшим летом 1925 года в Москву для встречи с нами по поручению Мустафы Кемалю, и одна, последняя, моя встреча в 1928 году месяца за полутора до моего ареста, в декабре 1928 года, с поверенным в дел[ах] Турции Зеккия беём (надо проверить фамилию)*.

[...] Редактор в первое время сильно стушевался. Потом он нам объяснил, что он думал, что попался в руки агенту ОГПУ. Юн[ус] Валидов потребовал от него предъявления его документов. Редактор, дрожа, вытащил из кармана свой документ и предъявил его нам. Это было удостоверение-мандат о том, что он является членом турецкого национального собрания. После этого все успокоились, и мы приступили к беседе. Редактор заявил нам, что он прислан самим Мустафой Кемалем для выяснения, почему мы не передали Мухтар бею обещанного ему документа — наших тезис[ов] по тюркскому вопросу. Мы объяснили редактору, что не передали этого документа Мухтар бею потому, что в последний момент заподозрили Мухтар бею в том, что он или работает скрыто от своего правительства в пользу какой-нибудь из европейских разведок — германской или английской, или же другое, что Мухтар бей подкуплен советским правительством и помогает ему в разоблачении нас документами. Редактор крайне был удивлен этим и заявил нам, что ему не понятно и необъяснимо, как мы можем подозревать в таких делах посла, общественного доверием «всей страны» и ее парламента. [...]

Редактор ответил нам, что в Турции не сомневаются насчет честности и преданности интересам своей страны Мухтар бею, и что мы в своих подозрениях в отношении него «зашли слишком далеко». Говоря же по существу причин наших подозрений, редактор указал, что если Мухтар бей поделился с нами сведениями о тех или иных планах в отношении СССР, вырабатываемых иностранными государствами, то это говорит лишь о его осведомленности, как дипломатического работника.

В заключении редактор заявил нам, что по существу поднятых нами вопросов он будет говорить по возвращении в Турцию. [...]

На этом первая наша беседа с редактором буржуазной газеты закончилась, и мы разошлись, условившись встретиться с ним вторично для информирования его о наших планах развертывания пантюркистской работы в СССР.

Вторая наша встреча с турецким редактором состоялась на квартире у одного кустаря-мыловара Усмана Кулахметьева, бывшего народного учителя, которого я знал с 1907 года по Казанской татарской учительской школе. Назначив редактору место явки через Хантимира и найдя его там в условленное время, я повел его на указанную выше квартиру. Хозяину квартиры я представил его как одного из своих «крымских друзей». По предварительной договоренности хозяин квартиры удалился и оставил нас одних.

Беседовали мы на этот раз, как я уже указал, на тему о наших планах развертывания пантюркистской работы в тюркских республиках и областях СССР. [...]

На этом беседа наша с турецким редактором закончилась, и мы расстались.

Вскоре после отъезда турецкого редактора Юн[ус] Валидов заболел и умер, и я остался один.

Перед его болезнью мы пересмотрели нашу позицию в нац[ионально-]колониальном вопросе и решили во избежание провалов в работе прекратить наши связи с турками и сосредоточить внимание на работу по созданию Туранской республики, опираясь, главным образом, на внутренние силы самих национальных республик. Тезисы наши «Об основах развития тюркских народов» мы решили туркам не передавать, и они так и остались у меня незаконченными в обработанном письменном изложении. [...]

С этого момента я прекратил личные связи с турецкими работниками. Когда после Мухтар бею в Москву приехал новый турецкий посол Зеккия бей, и он через своих агентов (не помню, Шафеева или З. Валеева) попросил меня прийти к нему в турецкое посольство, то я отказался пойти в посольство, заявив Шафееву (или З. Валееву), что встретиться с ним могу лишь на частной квартире где-нибудь, но не в посольстве, и встреча эта, таким образом, не состоялась. Но некоторое время я продолжал держать связи с турецким

* Так в документе.

посольством при посредстве А. Шафеева и дал им несколько информации, о которых буду говорить в специальной главе о моей шпионской работе. Связи с Шафеевым я прекратил весной 1926 года. Тем не менее, осенью того же 1926 года я передал в турецкое посольство через сотрудницу посольства татарку Аминю Акчурину один важный секретный документ, а именно: протоколы рыскуловского национального совещания 1926 г. Подробно об этом в другом месте. И лишь через два года после этого я попытался возобновить прерванную связь с турецким посольством, когда передо мной возникла необходимость переброски за границу одного из членов подпольной организации казанской татарской молодежи (организация Бакиева — Г. Урманче) Сафы Хафизова, о чем я в подробной форме буду говорить в следующих главах. Это было в середине или в конце октября 1928 г. Я пошел тогда на квартиру указанной выше А. Акчуриной и, рассказав ей вкратце о необходимости переброски за границу «одного моего товарища», попросил ее устроить мне свидание с турецким послом Зеккия беем. А. Акчурина ответила мне, что Зеккия Бей в Москве сейчас нет, а имеется его заместитель, поверенный в делах Турции... (не помню фамилии, в моих показаниях в июле прошлого года я неправильно называю его Зеккия беем; это — неверно). Но работник этот, по ее мнению, «несколько легкомысленный», и она советовала бы мне подождать приезда в Москву самого посла, но не обращаться к поверенному в делах. Я ответил, что ждать я не могу, и просил ее устроить мне свидание хотя бы с поверенным в делах. Тогда она, согласилась на это, и через день или два известила меня о согласии поверенного в делах Турции принять меня в посольстве.

При разговоре с А. Акчуриной в ее комнате сидела сестра Зайнаб Акчурина.

Встреча с поверенным в делах Турции состоялась в турецком посольстве. Принял меня поверенный в делах холодно. Я ему объяснил цели моего визита к нему и спросил его, может ли он оказать мне содействие по переброске за границу одного из членов связанной со мной подпольной организации. Поверенный в делах спросил меня, с какой целью я хочу перебросить этого человека (С. Хафизова) за границу. Я ответил, что хочу сделать это в целях установления непосредственных связей с различными политическими организациями за границей, а, во-вторых, потому, что человеку этому нельзя оставаться в СССР. Тогда поверенный в делах в наставительном тоне начал увещевать меня и доказывать мне, что мы не должны работать против Советской власти, а должны быть в контакте с нею, т[ак] к[ак] «большевики-революционеры». Далее он указал, что попытка переброски за границу кого бы то ни было из СССР при посредстве турецкого посольства испортила бы, в случае обнаружения этого, дипломатические отношения между Турцией и СССР, пойти на то они, турки, не могут, не говоря уже о том, что переброска самостоятельно с нашей стороны, в данном случае [С.] Хафизова, не может не быть обнаружена, т[ак] к[ак] бдительность на границах СССР вообще усилилась. Исходя из всего этого, он рекомендовал мне воздержаться от посылки кого-нибудь за границу. Из этого его ответа я понял, что поверенный в делах или не знает вовсе о моих прошлых связях с турками, или же, попросту, не доверяет мне. Я остановился на последнем заключении, поспешил откланяться ему и покинул посольство.

О результатах моего разговора с турецким поверенным в делах я поставил в известность С. Хафизова и высказался против его поездки за границу в данный момент, однако, С. Хафизов настоял на своем, и я помог ему уехать в Закавказье, откуда он должен был перебраться затем в Турцию. Но при переходе на турецкую территорию С. Хафизов был схвачен и, как заявил мне во время следствия в 1929 г. зам[еститель] начальника восточного отдела [ОГПУ] [Д.] Балдаев, «следы от Хафизова привели к Султан-Галиеву». Подробнее об этом вопросе я остановлюсь, когда буду говорить о закордонных моих связях.

Эту часть моих показаний я хочу дополнить еще одним моментом, который мною освещен в моих показаниях в 1929 г. и в июле 1937 г., но о которой необходимо остановиться и здесь, поскольку он является частью общего вопроса работы иностранных разведок против Советской власти под лозунгом панисламизма и пантюркизма и как бы заключительным аккордом работы турок в СССР по этой линии на тогдашнем этапе ее развития. Я говорю об ответе Мухтар бея, переданном мне из Турции при посредстве А. Шафеева после его возвращения из Турции. Ответ этот Шафеев передал мне в конце 1925 г. в Москве при случайной встрече на улице (Кузнецкой). Он остановил меня и сообщил, что в Константинополе он встретился с Мухтар беем, который поручил ему передать мне, что он по возвращении из Турции беседовал по поводу сделанных мною турками пред-

ложений с различными турецкими политическими кругами (Шафеев сделал при этом замечание: «Я не знаю, о чем там шла у Вас речь с Мухтар беём»), но, что руководящие политические круги в данный момент не сочувствуют и не поддерживают этих предложений. О каких «предложениях» шла речь в данном случае? Из предыдущих моих показаний ясно: речь шла о форсировании пантюркистской работы в СССР на основе подготовки его расчленения. Из ответа Мухтар бея вытекало, что турки в данный момент против развертывания широкой и углубленной пантуранистской и пантюркистской работы в СССР и считают несвоевременным расчленение СССР на его составные части.

Отказывались ли, однако, турки от пантюркистской работы совсем? Нет, не отказывались, т[ак] к[ак] одновременно со своим ответом мне о свертывании нашей работы Мухтар бей передавал через того же А. Шафеева приглашение Юн[усу] Валидову приехать в Турцию (Юн[уса] Валидова уже не было в живых). Спрашивается, зачем же турки приглашали к себе Юн[уса] Валидова, которого они отлично знали, как законченного пантюркиста и врага коммунистической партии и Советской власти, стоящего на точке зрения самой решительной борьбы с ними; зачем же они зазывали в Турцию, если они отказались от развернутого наступления на СССР по линии пантюркизма. Ясно, зачем: для этой же пантюркистско-пантуранистской работы, но другими методами и путями: «отступление» турок, в том числе кемалистов, от пантюркистской работы в 1925 г. было лишь тактическим маневром — отступлением для подготовки и организации еще более широкого и решительного наступления в будущем.

Примечание: Говоря о второй нашей — моей и Юн[уса] Валидова — встрече с редактором турецкой газеты, я упустил из виду один момент в нашем разговоре. Это вопрос об отношении турок к моему партийному положению. Редактор заявил, что по его наблюдениям, более или менее широкую общественно-политическую работу в СССР можно вести лишь находясь в рядах коммунистической партии, т[ак] к[ак] лишь находясь в рядах этой партии, как правящей партии в СССР, можно открыть доступ в своей работе к различным прослойкам и группам советского населения. И он поставил предо мною вопрос: почему я не вступаю обратно в коммунистическую партию. Я ему ответил, что препятствием к этому является выставленное предо мною со стороны ЦК партии требование о необходимости выступления в печати с признанием моих ошибок по национальному вопросу, и объяснил, почему для меня лично является невыполнимым это требование. Тогда редактор начал доказывать мне необходимость этого выступления, как необходимой «жертвы» с моей стороны для открытия вновь доступа в партию, для маскировки моей пантюркистской работы. Я ему заявил, что хотел бы узнать по этому поводу личное мнение самого Мустафы Кемалья. Редактор обещал поставить этот вопрос где следует по своем возвращении в Турцию. Обещание свое он выполнил. Через некоторое время я получил извещение от турок, переданное мне через Шафеева (приходил ко мне на квартиру), что Мустафа Кемаль советует мне не отказываться от выступления в печати с признанием моих ошибок по национальному вопросу, поскольку это откроет мне доступ обратно в компартию.

На этом я заканчиваю мои показания по вопросу о роли иностранных разведок по использованию панисламизма, пантюркизма и разновидности последнего — пантуранизма, как орудия борьбы с Советской властью.

Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 54, л. 1-40.

Публикацию подготовил
Индус Тагиров,
доктор исторических наук

